

Люди
Загадочных
Профессий

Иван
Муравьев

Фантастика. Приключения. История

Иван Муравьёв

**Люди загадочных
профессий (сборник)**

«Горизонт»

2017

Муравьёв И.

Люди загадочных профессий (сборник) / И. Муравьёв —
«Горизонт», 2017 — (Фантастика. Приключения. История)

ISBN 978-5-906858-46-7

О чём эти рассказы?— О том, как Стойкий Оловянный Солдатик рос, рос и вырос.— О том, как встретились Печорин и Нео.— О том, каково это — быть персонажем старинного пророчества.— О том, что чувствуешь, когда ты заодно с миром. Или, хотя бы, с его маленькой частью, когда приходится вставать на защиту. Об этом — и о многом другом. В каждом рассказе — своя загадка, не случайно они так называются. А кроме загадок — там есть рассвет над Венецией и ломкий весенний лёд, подземная река и осенние краски Аппалачских гор. И, конечно же, море.

ISBN 978-5-906858-46-7

© Муравьёв И., 2017
© Горизонт, 2017

Содержание

Санитар леса	6
Анальгетик	12
Рыцарь веточки капрюшона	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Муравьев Иван

Люди загадочных профессий

© Муравьев Иван

© ООО «Горизонт»

© Обложка: Элина Розенблюм

© Иллюстрации: Элина Розенблюм, Анжела Янковская, Александра Муравьева

© Использовано стихотворение Веры Муравьевой

* * *

Санитар леса

Дворник Танай по заведённому у него обычаю встал задолго перед рассветом. Он вышел из своей полуподвальной каморки во двор, с хрустом потянулся и снял с шеи висящий на верёвочке ключ. Ключ был старым, выдавшим виды, еще с паяной латунной бородкой; он открывал подсобку с метлами. Дверь подсобки набухла ночной влагой и открываться не хотела, а Танай не хотел шуметь и будить народ скрипом и стуком. Через полминуты дверь поддалась на танаевы уговоры и распахнулась, из темноты подсобки пахло солью и мокрой ивовой корой. Он критически осмотрел метлу, стоявшую у входа прутьями вверх, взял её, пробормотав: «Не перевяжу тебя, сегодня так походишь», прихватил ведро и совок для мусора и запер подсобку. Теперь – на улицу. Он привык начинать с улицы. Черёд двора придёт, когда рассветёт, и эхо от метлы, гуляющее в глухом квадрате стен, сольётся с другими утренними шумами.

Танай привычными движениями мёл тротуар, проходил «свой» положенный метр проезжей части, сгребал и выкидывал мусор. Думать при этом можно было о чём угодно: руки, как учёная лошадь, всё делали сами, без понукания. Вот он и думал. О том, что правильно сделал, поработав на выходных ломом и разбив, наконец, слежавшиеся сугробы в глубине двора. Что теперь, без лома, стало гораздо легче, а влажный асфальт еще не пылит. Что в городе никогда не бывает совсем темно и тихо, вечно полно всяких звуков, в том числе и совсем загадочных. Не случайно называют его каменными джунглями. Он смотрел передачу про джунгли: такой же ночной тарарам, и огоньки туда-сюда мелькают. Может, ну его, здесь? Взять, собраться, уехать в сельву. Если надо, язык еще один он выучит. Что его здесь держит? Танай вздыхает и крутит головой: он отлично знает, что держит его здесь.

Закончив убирать улицу, он чисто вымел проходной двор, который ночные прохожие уже успели замусорить этикетками и разнообразными бутылками, стеклянными и пластиковыми. Бутылки он, раскатав шланг, сполоснул выстуженной за ночь водой. Из того же шланга помыл углы стены, облюбованные для своих дел пьянчужками. Что-то много их нынче, следов... Ну, да, Колька из второй квартиры приятелей навёл, гуляют, празднуют какой-то случайный заработок. Надо же, какая короткая у человека память – Танай поцокал языком. Иного пугнёшь разок – всю жизнь помнит и уважает. А этот – двух месяцев не прошло, и опять за старое. Участковому бы сказать, да где ж они теперь, участковые! Придётся самому. Танай скатал шланг и вошёл во двор.

Рассвет уже вставал над крайними многоэтажками, гребни крыш светились алым. Во дворе было еще темно и сыро, но он постепенно наполнялся звуками.

– Мам! Ма-ам! Мам, зашей мне брюки, тут на колене дырка. Я не знал, я только сейчас заметил, мам!

– Пива тебе?! Вот тебе, а не пиво! Кто вчера на бровях приполз? Кто, скотина?!

– Зайчик, ну что же ты? Опять вся кровать мокрая. Ой, что ж за наказание такое...

– Возьми сырок и четвертушку белого, да проверь, чтоб не чёрствого, балда. Чем жевать будем, чёрствый-то?

Весь колодец двора шептал, гудел и переругивался. А что ты хочешь, весна – только в книжках хорошее время. В лесу сейчас гибнут застигнутые половодьем зайцы, а отошавшие, как тени, косули гложут кору с деревьев. Вот дни подлиннеют, вылезет трава, уцелевшие зайцы будут радостно прыгать и кувыркаться на полянах. А здесь, во дворе мало что изменится. Танай мёл, слушал и качал головой. Он никогда не жаловался на свой слух. Вот другие – те, бывало, жаловались.

Закончив во дворе и сполоснув инструмент, он выкатил громыхающие мусорные ящики под арку и не спеша, отдыхая на ходу, пошёл в контору. Идти было меньше пяти минут, он как раз успевал на девятичасовую планёрку.

Все районные службы размещались в каком-то чудом уцелевшей старинной усадьбе. Коммунальщики ютились в дальнем крыле, в бывших жилищах конюхов, поваров и прачек. Впрочем, места хватало, а старый каретный сарай был переоборудован под склад всякой всячины. Когда Танай уже подходил к усадьбе, его догнали соседи-дворники: весёлый пьяница Степаныч и студент Женька, подрабатывавший за ведомственную комнатёнку. Под аккомпанемент степанычевых шуточек они обогнули флигель и влились в редкую толпу ожидающих начала планёрки. Впрочем, начальник уже стоял на невысоком крылечке, сверху вниз оглядывая прибывающий контингент. В руках он имел блокнот и ручку.

Начальник был новый, пару месяцев назад сменивший ушедшего на пенсию старого. Танаю он активно не нравился. Прежнего начальника он, впрочем, тоже недолюбливал. Тот, ушедший, был резок, груб, и от него сквозь запах табака и дешёвого одеколona тянуло старым порохом и кровью. От нового начальника не пахло ничем, как будто он так и родился, в очках и аккуратненьком пиджаке, и сразу из мамки прыгнул на ступеньку административного крыльца. Своих подчинённых он называл по фамилиям, впрочем, танаеву он до сих пор не выучил, каждый раз читая по слогам из блокнотика.

– Смирнов, Артамонов: возле Нагорного, пятнадцать, ремонт строители закончили, а ограждение не убрали, и мусор валяется. Стащите его в сарай, что ли.

– Мусор тоже в сарай?

– Шуточки, Степанов! Тебе и Уржумцеву ждать здесь. Прибудет грузовик с мётлами – разгрузить, принять по описи.

– Виталь Виталич, мне ждать нельзя! У меня занятия! – заныл Женька.

– Занятия у него! Хорошо, тогда вечером, как с *занятий* вернёшься, вымоешь контейнеры. Вместо тебя разгрузит Шуралейшин.

Женька кивнул и тут же со всех ног, на ходу снимая ватник, ринулся бегом со двора. Радостным он не выглядел: еще бы, получить за просто так сверхурочное и неприятное дело. За это Танай тоже нового начальника не любил. Сам он не спеша выбрался из группки ожидающих и двинулся было к выходу, но начальственный окрик остановил его:

– Эй, эта... Шуралейшин! А ты куда?

– Подожду снаружи, Виталий Витальевич. Грузовик приедет – разгрузу, ждать не будет.

– Смотри там!

Куда и зачем ему смотреть, начальник не сказал, и Танай спокойно вышел со двора усадьбы, перешёл через улицу и спустился по ступенькам в парк. Парк, хоть и зажатый между жилыми районами, был красив. По нему даже тёк ручей, только перед самой дорогой уходя в бетонную трубу. Вдоль ручья и на нескольких полянках сохранились высокие старые деревья с корой, изрезанной вензелями и сердцами. Самые первые из надписей, уже едва заметные, еле виднелись в кронах метрах в четырёх от земли. Неизвестно какое поколение детворы бегало после школы (а то и вместо неё, что греха таить!) в этом таинственном и густом лесу, играя в прятки, в индейцев, а по осени – пуская палы, за что бывали отловлены и пропесочены Танаем. Хотя, разве ж это лес! Так и чучело медведя можно медведем назвать. Танай шёл, собирал в заранее прихваченный пакет разнообразные следы пребывания человека. Ведомственный грузовик как обычно опаздывал, а два часа на ожидание можно потратить и с пользой.

Что это? Слабый порыв ветра принёс запах дыма. Танай остановился и принюхался. Так и есть, тянет с поляны. Пристроив мешок сбоку тропинки, он поспешил к поляне. Неужели, опять мальчишки? Оказалось, что не совсем, а кое-что похуже.

Двоим великовозрастным раскочаным балбесам, гулявшим по парку с подругами, захотелось посидеть у костерка. Место для костра было выбрано на славу: прямо в дупле невысокого, но кряжистого дуба, пожалуй, самого старого дерева в парке. Когда Танай выбежал на поляну, в дупле уже разгорался огонь, языки пламени лизали кору. Он споро выкинул горящие

ветки из дупла руками, в толстых брезентовых перчатках жар почти не ощущался, затоптал огонь на земле.

– Ты чё, дед, в натуре, борзый?

Оба не пьяные, скорее, навеселе, и не под кайфом. Их подружки тоже. Это хорошо. Не из наших, с новостроек, с ними раньше не встречался. Это хуже.

– Посмотрите, сыночки! – запричитал, горбясь, Танай – Дуб этот прадед мой сажал. Мать под ним меня качала. Как же можно жечь его? Сожжём – мама моя на небе плакать будет. Девочки, вы им скажите! Хотите костёр – здесь на поляне хорошо, вот и костровище есть.

Девчонки бросились к парням, уговаривая. Те унялись, разжали кулаки.

– Лады, дед. Только не борзей так. Мало ли, на кого нарвёшься. Мы вот добрые сегодня.

Танай, продолжая бормотать слова благодарности, отступил с поляны и только потом остановился и обернулся. Сквозь заросли орешника на него глядел, по-разбойничьи ухмыляясь, Зяма Вайнштейн.

Был Вайнштейн художник, и был он еврей, не походя ни на того, ни на другого, как их представляют обычно. Был он могуч, буйно кудряв, носил густую ухоженную бороду, и к его облику пошли бы алая рубаха, шёлков пояс, а за поясом – кистень. Он был единственный, к кому Танай чувствовал устойчивую приязнь, и даже гонял с ним чай в его закутке у котельной. Почему у котельной? Да потому, что как истый художник, Зяма жил бедно, продавая хорошо если по картине в месяц, официально значась истопником на соседнем участке.

– Здоров, Танаич! Ну, ты слаломист! Как ты с тропинки дёрнул, я только моргнул – и нету.

– Салам тебе, Зяма! Видок у тебя...

– Дык, пока за тобой бежал, всю морду об ветки расцарапал. Это ж ты у нас татарский ниндзя – пацифист.

– Почему пацифист?

– Ага, значит, с остальным согласен? – Зяма гулко хохотнул. – Да видел я твоё представление. Сам чуть не прослезился. К чему такие сопли? Пугнул бы их – и все дела.

– Не скажи, Зяма. Пугать одинокого можно. А при свидетелях – чести урон, обида. Да и при девушках еще. Опять придут – вспомнят, разозлятся. Меня не встретят, а на дубе отомстят.

За разговором они выбрались на тропинку и пошли к усадьбе уже вдвоём. Зяма как раз собирался туда, поскандальить насчёт качества угля. Поскандальить он умел и любил. Увиденное на поляне не давало ему покоя.

– А что, его действительно прадед твой сажал?

– Да нет, конечно. Не сажал его никто, сам вырос.

– Тогда я тебя вообще не понимаю. Нет, конечно, экология, всё блаародно, но тебе какой с того прок? Вон, и мешок тащишь.

– Видишь, парк у нас хороший. Старый парк, он еще лесом был когда-то, когда здесь города не было. А вспоминаем о нём в году два раза, на субботниках. Он же мусором зарастёт. И потом, если я не буду им заниматься, кто будет? Вот ты будешь?

– Нет уж! – Зяму передёрнуло – Сам, пожалуйста, со своими ухватками. До сих пор вспоминаю, как в прошлом году кота умучил.

– Не умучил, а убил. За дело. Он, видишь, повадился певчих птиц гнёзда разорять. Галочьи да вороньи боязно ему, а мелких птичек в самый раз. Я его предупреждал: не разбойничай, душу выну. Ну, раз ему сказал, два сказал...

– Подожди, Танаич! Как – сказал?

– Языком сказал, как тебе говорю. А он дураком прикидывается. Ну и получил.

После такого разговор не клеился. Танай шёл и досадовал на себя, на свою неуместную вспышку. А причина-то в чём? А причина в том, что едва успел спасти дуб, вот и переживает, и на себя сердится. Недоглядит он однажды – и всё, скатертью дорожка в сельву!

Они пришли вовремя, как раз в тот момент, когда хрипящий разношенным сцеплением ЗиЛок потихоньку задом сдавал под арку. Вместо ожидаемой горы мётел кузов был полон едва на треть. Работы было от силы минут на двадцать. Разгружая, Танай вздыхал, а Степаныч хохотал в голос: три прутика, наспех обвитые проволокой – вот вам по документам и метла, а пять таких тебе даются на месяц, мети как знаешь. Зяму на начальника, что ли, натравить? Ему всё равно права качать, а тут – дополнительный повод. Зяма, увидев так называемые мётлы, тоже гыгыкнул и поговорить согласился. Он вообще был отходчив и незлобив.

Пока говорили с начальством, пока махали руками перед водителем и кидали туфту обратно в кузов, время и прошло. Танай зашёл к себе в каморку, наскоро пообедал вчерашней лапшой и принялся за дневную уборку участка. День перевалил за половину, вернулись домой из школы дети, улицы наполнялись прохожими. Участок и двор были убраны, инструмент вымыт, Танай скинул, наконец, перчатки и ватник, заварил себе чаю и теперь сидел на скамеечке у двери своего жилища, наслаждаясь теплом весны. Слева приблизились лёгкие шаги, в воздухе запахло пряниками.

– Дедушка Танай, дедушка Танай! Это я, Соня. Мы с бабушкой печенюшек испекли, вот, держите!

Мелкая девчонка из седьмой квартиры, которую Танай помнил с момента её рождения (сам толкал завязшее в снегу такси из роддома) стояла рядом со скамеечкой, протягивая небольшой жестяной противень. На противне были, действительно, печенюшки.

Печёный хлеб.

Предлагали.

Ему.

– Возьмите, я сама лепила. Видите, зверюшки, вам ведь они нравятся. Даже медведь, вот!

Тесто расплылось, и медведь тут едва угадывался. Но, к чему себя обманывать, всё было взаправду. Всё каким-то образом сошлось. Юная дева (вполне себе дева, таких когда-то и замуж брали!), хлеб, даже медведь. Вот угораздило! В лесу на подношение можно закрыть глаза (на чуть-чуть, но можно). Можно чуть подождать, чтобы первыми его клюнули птицы, тогда допускалось сделать как бы не всерьёз, как бы играя. Но здесь – здесь можно было только принять. И взять на себя всё, что в таком случае полагалось.

Танай медленно поднялся со скамейки, распрямляясь во весь рост. Потом согнулся в низком поклоне, беря хлеб.

– Благодарствую.

Вот и всё. Подношение принято. О сельве можно теперь забыть. Ему и здесь работы хватает.

Уже затемно, наскоро прометя третий раз мостовую и переодевшись в чистое, Танай вышел из дома и пошёл по тротуару вдоль парка, мимо усадьбы, где в полусумраке тихо ругался и гремел контейнерами припозднившийся Женька, дальше через мостик, туда, где размещались старые бани. У него тоже была вечерняя приработка.

Начав, как и все «не свои», с уборщика, он за десяток лет вознёсся до банщика-массажиста в турецком зале, в классе люкс. Для понимающих – взлёт стремительный и высокий. Работал он умело, и разминал, и вправлял, и растягивал, и мыльным пузырьём работал как надо. Хозяин бани, толстый Равиль, звал его к себе на полную ставку, обещал золотые горы и удивлялся, почему он не идёт, а Танай по-прежнему дворничал днём, появляясь в бане лишь к сумеркам.

Вот и сейчас, только он сполоснулся и облачился в долгополый махровый халат, Равиль мохнатым коlobком подкатился к нему.

– Слушай, Танай! Очень тебя жду, тут надо людей обслужить. Очень хороших людей, очень важных, да? Вот, пока тут посиди, они там за дверью отдыхают. Тебя позовут, ты войдёшь, всё как надо сделаешь, получишь большой плюс от меня, да?

За дверью едва слышно бубнили голоса. Звукоизоляция была на совесть, но она не была рассчитана на острый танаев слух.

– Значит, что у нас выходит? – говорил вальяжный баритон – Всего два гектара, говорите? А нужно?

– А нужно минимум шестьдесят – отвечал тенорок – а еще лучше, если будет восемьдесят. Вот я и думаю, Пётр Филиппович, а что, если...

– Если – что?

– Ну, если, предположим, вообще выделить там, где парк...

– Парк, говорите? Вы прекрасно понимаете, что это – зелёные лёгкие города, признанное место отдыха.

– Но, у меня... – тенорок ощутимо захрипел – у меня есть к вам контрпредложение. Вот. Настала недолгая пауза.

– Интересно – вальяжность баритона дала трещину – где сейчас торгуют такими картинками? И какой мне от них интерес?

– Если посмотрите поближе, ваш интерес станет вам очевиден, – тенорок победно расправился, он парил орлом. – Вот, посмотрите, здесь. И здесь.

– Что ж, ваши доводы мне понятны. Я, пожалуй, возьму несколько дней на раздумье. А пока, разрешите откланяться. Приятно провести время!

В комнате за стеной гулко хлопнула задняя дверь, ведущая к отдельным кабинкам. А из-за двери донёсся ликующий крик, которым в фильмах возглашают: «Все – шампанского!»

– Эй, там, позовите банщика!

Обладатель тенорка был невзрачен и худ, с кожей в серых нездоровых пятнах. Зато глаза его сияли победой, и в них виделись пароходы, мулаты, и всё, что в таких случаях положено. Завидев Таная, он недовольно скривился:

– А посимпатичнее у вас никого нет?

– Я вас сейчас разомну – отвечал Танай – а там уже закажете и посимпатичнее, воля ваша. А работаю я лучше всех.

Говоря так, он устраивал клиента на массажном столе, взбивал мыльную пену, скатывал валик из полотенца и делал еще тысячу разных дел. Потом приступил к работе. Мужичонка на столе кряхтел и жмурился, потом, как дело пошло, вовсе расслабился и растёкся по столу, наливаясь ровным малиновым цветом. Пятна на коже разгладились и поблёкли. Всё как положено: разминка, растяжка, расслабление... лишь кое-где Танай позволял себе движения, от которых у опытного банщика округлились бы глаза. Но не было здесь никого, лишь только клиент, окончательно ушедший в нирвану. Тщательно пролив массируемого два раза, холодной и тёплой водой, он укрыл его мохнатым полотенцем, сложил в шайку массажный свой инвентарь и открыл дверь перед Равилем (сам принёс, да?), держащим в руках поднос, а на подносе – шашлык, и сочащийся гранат, и запотевший графин, и ещё всякой всячины!

– Спасибо, Танай-джян, очень помог! – прошептал Равиль, глазами делая знаки убраться побыстрее вон.

Танай не возражал. Придерживая руками шайку, где под баннным инвентарём покоилась серая папка с фотографиями, он прошёл в предбанник. Сейчас клиент поест, накатит по полной, а через час ему станет плохо с сердцем, а еще через полчаса... Дальнейшее его волновало так же мало, как и судьба кота, из которого он полгода назад действительно вынул душу.

Отработав вечернюю смену, уже полночь, он вернулся к себе в каморку, наскоро разделся и, чего с ним не случалось уже много лет, заснул. Снилось ему девчонка давешняя, Соня, только уже выросшая. Во сне она просилась сделать её берегиней, а он отнекивался, говорил, что разучился, и слова забыл, да и баловство это всё, а она настаивала и вздыхала, говоря, что ей и так жизнь не мила, а вздохи эти ранили его как ножом острым, и тогда она сама ударялась оземь и говорила нужные слова...

Дворник Танай по заведённому у него обычаю встал задолго перед рассветом.

Анальгетик

За два часа под землёй Лямин прошёл пять километров по коллектору, дошёл до конца и теперь, после безуспешных поисков, возвращался назад. Луч налобного фонарика выхватывал из тьмы бетонные своды, блестящие свежей краской перила ограждения. Под ногами хлюпала вода. Рюкзак уже ощутимо давил на плечи. Вот вдали показалась исполинская сосулька – сверло буровой установки, пробившее бетон коллектора, да так и застрявшее в нём. Какое-то горе-строители не сверились с картой, или вообще не умели их читать, что сейчас тоже не редкость.

Так бывает на рыбалке – закидываешь удочку туда, где по всем приметам ходит большая рыба – и пусто, вообще ничего. Раз за разом забрасываешь, ведёшь блесну и так, и эдак – и только снимаешь с крючков зацепленные водоросли. Разве что, здесь – не рыбалка. Тут всё серьезнее. Оставалась одна, весьма бледная, надежда: еще раз осмотреться у входа. Может быть, он, сразу устремившись вперёд, упустил что-то из вида... И еще, нужно обследовать ответвления коллектора. Начнём, хотя бы, с этого, как раз у сверла. Лямин выбрался на сухой бортик, сутулясь, протиснулся в ответвление, и от его шагов в бетонной трубе загудело эхо. Совсем как вчера, на приёме.

...

Кабинет подавлял. На это был весь расчёт неизвестных дизайнеров: колонны в метр толщиной, строгие линии стен, возносящиеся куда-то вверх, торцевая стена полностью стеклянная, с видом на многоэтажки центра, и на её ярком фоне – тёмный силуэт человека, сидящего за необъятным столом. Сергей Семёнович Фишер, глава и владелец корпорации «ГСК-112», между своими и шёпотом – «Эсэс». Шаги Лямина, когда он шёл по кабинету, отдавались с высоты гулким раскатистым эхом. Это должно было здорово действовать на нервы. Кому-нибудь другому на его месте.

– Перед началом нашей беседы хочу внести ясность – голос Фишера без усилий разнёсся по всему залу – Я обычно не принимаю людей вашего рода занятий. Для вас я делаю исключение. На это исключение я иду не ради вас. За вас поручились, и я готов уделить вам пять минут своего времени. Триста секунд. Время пошло.

– Большое спасибо, Сергей Семёнович, я не отниму у вас больше. Итак, сначала вашему вниманию предлагаются две карты нашего города – Лямин говорил, а сам настраивал проектор, подключал, фокусировал изображение – Да, две карты. На первой изображено количество гнездовой ласточек по районам. На второй – уровень самоубийств на тысячу человек, также по районам. Как видите, минимум на первой карте соответствует максимуму на второй.

Молчание было ему ответом. Лямин тяжело вздохнул про себя, хотя и к такому варианту он тоже был готов.

– Можно также посмотреть на исторические данные. Вот агрономическая карта XIX века. Заметьте, что вишнёвые сады, вот эта косая штриховка, почти нигде не растут. Только в локациях, на которых позднее будет максимум ласточкиных гнёзд.

– Ну, и что вы хотите этим показать? – донеслось из-за стола. Тон реплики был еще холоднее, чем раньше, но это было неважно. Фишер заинтересовался, иначе бы он не проронил ни слова.

– То, что за сто с лишним лет изменилось расселение, были убраны под землю малые реки, изменился климат. Но остались, и устойчиво остались, места более приспособленные для жизни. И менее приспособленные.

На шестом осмотренном ответвлении Лямин понемногу стал терять надежду. Все обследованные трубы были одинаковы: прямые как по нитке, с идущими верх колодцами люков

через равные промежутки. Слишком чистые, слишком новые. То, что он искал, должно быть гораздо древнее. И куда глубже. Он шёл по трубе, светя фонариком, и говорил сам с собой.

– Вот закончу осмотр, поднимусь, переоденусь. Буду сухой и чистый. Не то, что раньше, в ОЗК ходил, весь упревший. Потом домой. А завтра к геологам зайду, закажу карту, посмотрю речки...

Тут он остановился. Подобрался, вслушиваясь: ему почудился отдалённый шум воды. Потом, стараясь идти как можно тише, продолжил путь по трубе. Слух не обманул его: плеск и рокот слышался всё отчётливее, наполняя трубу гулом. Труба и сама пошла под уклон, и скоро завершилась тупиком. Полузанесённый песком отнорок, стальная решётка, а за ней – уже не бетон, а камень, неровные сточенные своды и бегущий поток воды. Подземная река. Что интересно, на выданной ему карте ничего подобного не было.

Лямин отстегнул от рюкзака лопатку, не спеша разгрёб песок и с натугой отодвинул решётку. Затем, подумав, снял рюкзак, вынул и натянул «низ» от ОЗК. Заменял батарейку в налобном фонарике. Взял с собой моток верёвки, керамческий совок, фарфоровый контейнер, шуп. Закрепил всё это на поясе, протиснулся в водосброс и, повиснув на руках, осторожно опустился в воду. Глубина была чуть выше колен, но сильный поток почти сбивал с ног. Дно было скользким, приходилось опираться на шуп, чтобы не упасть. Лямин радовался этому напору: значит, река течёт дальше, вглубь. Вот туда мы и пойдём. Он осторожно ступал, нащупывая опору, отмечая пройденный путь и вспоминая.

– Ладно – сказал Фишер – Я вас выслушал. И даже нашёл ваши выкладки забавной игрой ума. А теперь попробуйте в двух словах объяснить, какой мне в этом интерес.

– Комплекс «Сияние».

В кабинете наступила гнетущая тишина. «Сияние», амбициозный проект «города в городе», со своей инфраструктурой и атмосферой роскоши, заселялся крайне вяло. Более того, самые козырные покупатели недвижимости, локомотивы будущей публики, пожив немного, вдруг продавали квартиры за бесценок. Рациональных объяснений этому не было ни у кого.

– То есть, по-вашему, это можно было предсказать?

– По косвенным данным – да. Сам выбор места. Обширный незаселённый участок достаточно близко к городским магистралям. Я понимаю, так и просится в застройку. Но там последние двести лет была пустошь. Там вообще никто не селился.

– И что же в таком случае вы советуете делать? – тень собеседника за столом подалась вперёд.

– Если бы был выбор... еще перед застройкой – построить там не жильё, а склады, дороги – всё, что угодно, только бы люди там не бывали постоянно. Да, хоть парк. Завод... – нет, завод тоже опасно.

– Как вы, наверное, понимаете, сейчас ваши рассуждения запоздали.

– Да – ответил Лямин, слыша, как эхо в вышине повторяет его слова – Есть еще вариант – обратиться к моим услугам.

Молчание, воцарившееся в кабинете, оглушало. Лямин внутренне напрягся: он был готов к тому, что сейчас его вышвырнут вон. Вместо этого щёлкнул выключатель, над столом мягко вспыхнула лампа. Наконец-то он увидел своего собеседника и удивился, как тот сдал по сравнению со своими газетными фотографиями.

– Что ж. Перед нашим разговором я навёл о вас справки. Результаты у вас убедительные. Поэтому я собираюсь воспользоваться вашими услугами. Сколько вы хотите?

Он сказал.

...

Эти двести с небольшим метров Лямин шёл полчаса. Он несколько раз, подскользнувшись, падал в холодную воду. Он чувствительно приложился затылком о камень: теперь там набухла огромная шишка. Он едва протиснулся через извилистый «шкуродёр», а вода захлё-

стывала его с головой. Впрочем, результат спуска того стоил: после сужения река обмелела, рассыпалась на множество мелких ручейков и растеклась по обширной карстовой пещере. Он был на месте.

Теперь можно было выключить фонарик и двигаться на ощупь: так легче было заметить то, за чем он пришёл сюда. Когда глаза привыкли к темноте, Лямин стал различать пятнышки рассеянного света. Одно из них мерцало у самых ног. Да, еще бы немного – и... Он нагнулся, раскупорил контейнер и, бережно подцепив совочком, положил в него небольшую каплю, похожую на жемчужинку. Затем, щупая перед собой руками, дошёл до следующей. Процедура повторилась. Каждую каплю он брал с величайшей осторожностью, как сапёры берут неразорвавшуюся мину. По сути, так оно и было.

Он всё рассчитал правильно. Если аномалия существовала больше двухсот лет, скопление нужно было искать в достаточно старых подземных полостях. Под этой новостройкой не было ни подвалов, ни катакомб. Оставались пещеры. Скорее всего, здесь оно всё и сконцентрировано. А уж что было источником этих капель: старинное капище или холерный барак, рынок рабов или сожжённый монастырь, он не знал. А проверять не тянуло.

Пещера была большая, но низкая. Лямин пробирался где на четвереньках, где ползком, и всё больше капель ложилось в ощутимо потяжелевший контейнер. Теперь главное – не грохнуть его на пути обратно. Пролив такого количества гарантированно сведёт с ума. Он сам был свидетелем того, как в одинокую каплю вступил на заброшенной ветке метро какой-то московский диггер. Наверное, капля несла, среди прочих, память младенца, погрызенного крысами в роддоме: бывали такие случаи в войну, когда грызуны зверели от бескормицы. С бреда бедняги-диггера началась одна из самых живучих страшилок московского метро.

До последней капли пришлось протискиваться ужом, сняв почти всю одежду и обдирая кожу о потолок пещеры. Кое-как вылезая обратно, Лямин, дрожа, оделся и тронулся в обратный путь с удвоенной осторожностью. Ему удалось ни разу не окунуться и даже найти путь наверх пошире, чем тот, которым он спускался, и всё равно, оказавшись в трубе коллектора, он рухнул на рюкзак и некоторое время лежал пластом. Потом переоделся в сухое и, тяжело опираясь на шуп, двинулся к выходу. Тепло мало-помалу возвращалось в тело, отогревающиеся руки и ноги начинало мозжить и крутить болью. Мысли были такие же: спотыкающиеся, вялые. Он думал о том, что надо позвонить Аркадьичу, чтобы самому не вести машину. А свою тачку можно на день оставить на стоянке у коллектора: там никто не ходит. Думал о том, что одной простудой он не отделается и наверняка слегет на неделю. Потом подумал, что недели у него нет, и даже дня нет. Потому что завтра надо сдавать собранное.

Лямин шёл по асфальтовой тропинке в парке над рекой, делая вид, что прогуливается, рассматривая нечастых прохожих, идущих навстречу. Всё было просто. Видишь у встречного лицо – гуляй дальше, жди. Лицо его настоящего работодателя всегда бывало чем-нибудь закрыто: капюшоном, лыжной маской, один раз даже забинтовано до самых глаз. Порой там, где они встречались, каждый раз будто бы случайно, было так темно, что удавалось различить только силуэт. В этот раз работодатель мимикрировал в политического активиста: мешковатый камуфляж, лицо спрятано за балаклавой, бандана со знаком «Анархия», за плечом – плакат на увесистом древке. Лямин оценил профессиональное владение чёрным юмором.

– Контейнер! – негромко приказал «активист».

Лямин осторожно протянул свою ношу. Работодатель взвесил её на руке.

– Девять месяцев и шесть дней.

– Почему так мало, Жнец? – осторожно спросил Лямин.

Имя было еще одним, и не последним, неизвестным в его работодателе. Хорошо хотя бы, что он объяснил, как к нему можно обращаться, в качестве премии за один особенно удачный сбор.

– Обычная ставка – «активист» пожал плечами – А что бы ты хотел?

– Да я чуть не замёрз там, в этой пещере! И чуть не утонул! И сейчас температура под тридцать девять! Вот схватит меня ревматизм, и что я буду с этими днями делать? На хвост нанизывать?

– Не схватит, не бойся – улыбнулся силуэт под балаклавой – Ладно, еще неделя, уговорил.

– Благодарю, Косец. Еще что-нибудь есть для меня?

– Ты как будто не знаешь истории! Берёшь, открываешь любой учебник – и вперед! Хотя, и в городе еще осталось. Посмотри по Лужкам. Конечно, там частный сектор, никто платить тебе не будет. Но что-то мне говорит, что ты пока и на свои проживёшь. Ладно, заболтался я с тобой. Покедова!

И, вздев плакат, залиvisto свистнув, он скатился с горки к набережной, где уже толпились такие же как он в камуфляже и балаклавах, и уже через полминуты совершенно среди них затерялся.

Лямин шёл домой, точнее, тяжело брёл. Жар, отступивший было, опять наполнял голову горячим песком. Еще девять месяцев и тринадцать дней, в сумме почти восемнадцать лет... Почти восемнадцать лет остановки часов смертника, тикавших в нём с недавних пор. Доктор сказал тогда: «Не буду давать пустых надежд, вам осталось меньше года». Тем же вечером, когда он ждал на остановке автобус, незнакомец с лицом, закутанным в шарф, промолвил: «Два месяца и восемь дней» – и предложил выход. Доброе дело ему, облегчение жизни (тут была весомая пауза) человечеству. Спустя несколько лет и пару дюжин собранных контейнеров, Лямин понимал, что альтруизмом тут и не пахнет. Он знал возможности каждой собранной им капли, догадывался, что соединённые вместе, они усиливаются многократно. Даже если считать, что сбором занимается он один, всё равно где-то концентрируется невыразимая мощь. Ему было не по себе даже думать об этом.

Он точно знал, что он будет делать и где будет жить, когда он наберёт пятьдесят лет. Остров Маврикий. Там очень просто делается вид на жительство. Есть там на западном берегу одно местечко, уединённая бухта, куда можно попасть только с воды. Идеальное место для житья анахоретом. У этого заливчика было еще одно, тайное, свойство. Лет триста назад там потерпел крушение корабль с невольниками. Команда и надсмотрщики сбежали, груз – остался. Двести человек, закованных в тяжёлые кандалы, без помощи, без надежды, среди волн и ветра. От них осталась россыпь капель в гроте на острове среди бухты. Он поселится там и будет наезжать на этот островок время от времени. Он знал: пока эти капли остаются там, где были – ему не угрожает ничего.

Рыцарь веточки капрюшона

Я заранее прошу прощения у тех, кто прочтёт мои записи, за сумбурное изложение: во-первых, я до сих пор не могу успокоиться, а во-вторых – это мой второй опыт письменной речи за пределами выбранной профессии. Да, я достаточно много пишу, статьи – мой хлеб, но в статьях всегда есть шаблоны, всяческие накатанные обороты и прочие уловки, чтобы не допустить в излагаемый материал себя. Здесь же – случай прямо противоположный.

Ой, кажется, я отвлёкся от темы, а ведь я даже еще не представился. Итак, меня зовут Ролан Марше, я – ресторанный критик.

Когда меня кому-нибудь представляют, те, кто впервые слышит о моей профессии, обычно начинают поздравлять меня с удачно выбранным делом, где, наверняка, очень строгий отбор, отсев и конкуренция. Им, почему-то видятся луккуловы пиры в каких-нибудь изысканных антуражах, внимание света и прочая чепуха. Те, кто так говорят, не имеют ни малейшего понятия о ресторанных критиках. Со своей стороны могу сказать, что единственная удача, которую я здесь вижу – это возможность жить в мире со своим недостатком и даже на нём зарабатывать.

Да, я с рождения клеймён. Мой порок, недуг и крест – повышенная вкусовая чувствительность. Причём, я такой в семье единственный и уникальный, хотя, может быть, я унаследовал это от отца, которого я не знаю и никогда не видел. Моя добрая матушка в юности вела несколько рассеянный образ жизни, но я её ни в коем случае не виню, поскольку она-то как раз претерпела от моего врождённого порока больше других. Еще во младенчестве я мог отказаться от груди только из-за того, что мне не нравился вкус молока. После нескольких бессонных ночей матушка догадалась о причине, что делает честь её разуму, села на строгую диету из одного риса и кисломолочных продуктов, и так выкормила меня.

Я рос застенчивым ребёнком, что неудивительно без отца. Школьные забавы и игры как-то обходили меня стороной, и друзей у меня не было. Я долгое время мечтал быть поваром, и даже начал учиться, но мне не хватало усидчивости. Настоящие блюда у меня еще не получались, а от того, что получалось, воротило с души. Очевидно, хороший повар, как и хороший хирург, должен быть в душе немного циником: свойство, которого я всегда был лишён. Впрочем, во время моей учёбы я не скупился на советы и замечания, как своим однокурсникам, так и наставникам, и те из них, кто переступил через гордость и последовал им, были мне потом благодарны. Они же и подсказали мне стезю, которой я иду до сих пор.

Мне уже достаточно много лет, но я до сих пор живу в доме, где родился и провёл детство. Со своей семьёй у меня как-то не заладилось. Нет, конечно же, были в моей жизни и женщины.

Кого-то привлекал мой модус вивенди, в котором чудилась экстравагантность. Кому-то хотелось меня «пригреть» или «воспитать». Ни одно из знакомств не было долгим. Я совершенно понимаю дам: очень трудно жить с человеком, который знает о тебе всё. Я, наверное, забыл упомянуть: обоняние моё тоже болезненно развито. Так я и живу, практически в одиночестве.

Раньше меня это тяготило, но мало-помалу я привык. Работа моя тоже не особый источник увеселений. Для тех, кто думает, что ресторанный критик – это непременно розовощёкий сангвиник, скажу, что на работе я практически не ем, чтобы не забивать вкуса, а дома довольствуюсь самым простым: вода источника «Соломон Д'Альп» и домашний творог, который я заказываю у знакомого старика фермера и рецептура которого не меняется уже лет двадцать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.